

СОФЬЯ РОЛДУГИНА

ГДЕ
РАСПУСКАЕТСЯ
АЛОЩВЕТ

ЧЕРНЫМ
БЕЛО
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р67

Иллюстрации SYLVA
Дизайн обложки Е. Петрова

Роддугина, Софья Валерьевна.

Р67 Где распускается алоцвет / Софья Роддугина. — Москва :
ЭКСМО, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-222257-3

У Альки рыжие кудрявые волосы, нос в конопушках и тихий нрав.
Алька — ведьма.

Вот только неудача в любви заставила её выбрать путь, далёкий от ведовства. Привычная работа в издательстве; суетливая, но предсказуемая жизнь в столице, год за годом — чем не счастье?

Но когда выходит на охоту Костяной и собирает кровавую жатву, Алька сбегает в родное Краснолесье, туда, где обочины заросли васильками, где сама земля помнит ещё старые времена.

Сбегает — и попадает из огня да в полымя.

...но, кажется, она не прочь сгореть в этом пламени.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-222257-3

© Роддугина С., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО»,
2025

Глава 1

Встреча

Обычно Альке очень нравилась осень.

Но с этой не заладилось.

Конец лета выдался холодный, сухой. Листва на деревьях не желтела даже, а становилась коричнево-серой, закручивалась и отваливалась. Её никто не убирал; во дворе под ногами шуршало, а когда позавчера мальчишки подожгли газон, она вспыхнула вся разом, и дымом заволокло подрайона.

С тех пор на языке был привкус пыли и гари, а голова болела.

Небо казалось зеленоватым; облака иногда вспучивались на горизонте, но их быстро куда-то сдувало. В столице день ото дня становилось тревожнее и тревожнее: с весны все новостные сводки начинались с перечисления новых жертв Костяного. Сначала писали, что это серийный убийца; потом, когда стало ясно, что ни один человек, ни два, ни даже целая банда такое учинить не способны, объявили, что в регионе появился упырь. Цены на серебро взлетели; шарлатаны на каждом углу предлагали очень действенные обережные знаки, которые Алька делила на две категории: каляки-маляки и что-то по мотивам настоящего знака, но срисованное криво или неаккуратно... А три недели назад произошло

то, что в новостях назвали «неудачной попыткой задержания, повлёкшей жертвы».

Сорок семь жертв.

После этого появились первые — нечёткие, ночные — снимки существа, и стало ясно, что никакой это не упырь. А кто — непонятно; эксперты продолжали гадать, но теперь уже за плотно закрытыми дверями, не вынося суждения на публику. Публика же прозвала существо Костяным — трёхметровое поджарое чудовище с длинными руками, кажется, действительно состояло только из костей, зубов, когтей и небольшого количества кожи. Вскоре вышло постановление Совета о запрете публикаций, «насаждающих панические настроения в обществе»... Но убийства не прекратились.

А два дня назад начальница, суровая дама лет шестидесяти пяти, вызвала Альку к себе в кабинет и предложила перейти на удалённую работу.

— Василёк, поправь меня, если я не права: у тебя ведь есть родственники за пределами столицы? — спросила она, поддёрнув очки на горбатом носу.

Алька вздрогнула. Свою фамилию — и полное имя — она слышала обычно в обстоятельствах, не предвещающих ничего хорошего. В последний раз это был городской, который сообщил про маму...

«Два года прошло, — пронеслось в голове. — Так быстро».

— Есть, в Краснолесье, — кивнула Алька рассеянно. — Бабушка по отцу. И тётя с семьёй.

Ещё был отец, но он жил на другом конце страны, и общались они тогда же, два года назад, на маминых похоронах. С тех пор он позвонил только однажды, когда попросил выслать мамину фотографию.

— Отношения хорошие? — осторожно уточнила начальница. Про ситуацию в Алькиной семье она немного знала и старалась поддерживать как могла. А когда не могла никак — не лезла, за что Алька была ей бесконечно

благодарна, даже больше, чем за премии. — Сможешь напроситься к ним в гости на пару месяцев?

— Наверное, смогу.

— А на полгода?

На этом месте Алька попросилась выйти и перезвонить, чтобы уточнить. Бабушка обрадовалась так, что даже стало неловко — ни причину не спросила, ни сроки не уточнила, только повторяла: «Приезжай, Аленька, приезжай». Начальница обрадовалась тоже и, закрыв кабинет на ключ, тихо объяснила, к чему эти вопросы.

— Через две недели введут комендантский час, а может, и карантин, — сообщила она, понизив голос. — Не как пять лет назад, когда ловили упырей в Веснянке, а бессрочно. У меня в органах свой источник... — Она кашлянула в кулак, рефлекторно оглянувшись к окну. Про «источник» знали все в редакции: Дрёма — фамилия редкая, а главный колдун сыска был слишком похож на скромную издательницу, чтобы это могло оказаться простым совпадением. — И не просто так. Жертв стало больше. Если Костяного не поймают, к зиме и военные части в город введут... Так что я всех, кого могу, отправлю на удалёнку, и чем дальше от столицы — тем лучше. Потихоньку, чтобы паника не началась. Поедешь?

Алька оглянулась на пыльное пере-лето, недо-осень за окном — и кивнула.

На сборы и покупку билетов ушло дня два. Много вещей брать с собой она не стала. Краснолесье сейчас считалось вроде как городом, но на самом деле так и осталось деревней: туфли на каблуках и летящие платья там ни к чему. Джинсы, кеды, на осень — тяжёлые ботинки и куртка... Всё влезло в небольшой чемодан. Начальница без проблем подписала ей неделю отпуска — на переезд и устройство — и пообещала попозже скинуть новое задание.

Обе они знали, что работать Алька начнёт ещё в поезде.

— ...следующая остановка — Светлоречье. Время стоянки — одна минута.

Алька моргнула, просыпаясь.

Снаружи уже темнело. Люди, которые путешествовали с ней в одном купе, куда-то подевались — пожилая семейная пара и девочка двенадцати лет, которая ехала к бабушке в деревню. Странно, что не наоборот: каникулы ведь как раз закончились... Впрочем, из столицы сейчас многие разъезжались — кто мог.

Ноутбук, пока Алька спала, выключился, но изменения в тексте сохранились. Она прикинула, поняла, что больше сегодня работать, наверное, не станет, вытащила из-под сиденья чемодан и убрала ноутбук, а заодно и шоколадку, чтобы не доесть её целиком от скуки. Поезд медленно разогнался. Уплывал куда-то в вечернем сумраке белокаменный вокзал, старые липы; отдавались гудки автомобилей и шум от стройки. За дверями, в коридоре, кто-то ходил туда-сюда, покрикивала проводница, дребезжало приоткрытое окно. В купе немного пахло полежавшими бананами и очень сильно — мужским одеколоном: когда пожилая пара вошла, то мужчина сразу брызнулся чем-то, и запах впитался в серую обивку сиденья.

«Может, до Краснолесья буду ехать одна?» — с надеждой подумала Алька.

Перспектива провести следующие три часа в одиночестве радовала как никогда.

За окном что-то блеснуло вдруг, яркое, как фейерверк. Алька машинально повернулась к стеклу и успела увидеть в небе красный росчерк, как гнутая кочерга; это почему-то испугало, вспомнился и Костяной, и дурацкая мамина авария...

«Зря я не взяла с собой оберег».

Но оберег можно было сделать и в Краснолесье, может, и бабушка бы помогла, хотя она и говорила всегда, что никаких способностей не унаследовала. Уже скоро, через три часа... Алька отвернулась от окна и почти успокоилась, когда дверь купе беззвучно отъехала в сторону.

— Можно к тебе?

подавив дрожь, она подняла глаза, дежурно, любезно улыбаясь:

— Да, конечно, проходите, сейчас уберу вещи.

Неожиданный попутчик прикрыл за собой дверь и скинул под ноги рюкзак. Алька пихнула пяткой чемодан, закатывая его поглубже под сиденье; как всегда, в присутствии красивых людей она чувствовала себя очень неловко, а новый попутчик оказался очень красивым. Высокий — такой, что едва не задевал головой косяк, когда заходил, худощавый, с тонкими запястьями и длинными пальцами. У него были светлые волосы, чуть волнистые, стянутые на затылке медицинской резинкой, и лицо, приятное и неприятное одновременно: резкие черты, нос с горбинкой, острый подбородок. Глаза — чуть вытянутые к вискам; губы — слишком тёмные для мужчины и чётко очерченные.

На нём была красная толстовка с глубоким капюшоном, немного великоватая в плечах, и красные джинсы, чересчур облегающие ноги.

Поймав себя на том, что она бессовестно пялится, Алька отвернулась к окну.

Там, бледное, как призрак, плыло её отражение, точно размазанное по сумрачным лесам, и почти бесцветное, даже медно-рыжие волосы казались серыми.

«Зато и веснушек не видно».

— Тебе далеко ехать? — спросил парень, роясь в рюкзаке. Достал потрёпанную книжку, термокружку, шоколадку, зашуршал обёрткой. — Скоро выходить?

— В Краснолесье, — нехотя ответила Алька, поёрзав на сиденье. Настырный мужской одеколон выветрил-

ся — наверное, от сквозняка, и с улицы потянуло прелыми листьями и дымом. — Через три часа.

— О, мне тоже! — непонятно чему обрадовался парень. Улыбка его приятно преображала — взгляд уже не казался цепким и хищным, словно смягчался. — Я Айти.

— Аля.

Она пожала протянутую руку — чужие пальцы на фоне осенней прохлады казались горячими, как угли, — и снова отвернулась к окну. Попутчика очевидное недружелюбие не смутило. Он бойко рассказывал, как всё лето проработал в Светлоречье — в кофейне, бариста, что теперь у него отпуск, что погода вроде как ничего, но дождей явно не хватает, и было даже предупреждение насчёт лесных пожаров... Постепенно Алька расслабилась и даже начала понемногу отвечать. Тем более что Айти ни о чём личном не спрашивал и больше трепался сам. Раз или два пытался угостить её шоколадной плиткой, но, услышав отказ, не настаивал, и даже пошутил, что сам бы не стал брать еду у незнакомца.

— С другой стороны, меня учили, что если встретишься с нечистой или колдуном, который притворяется обычным человеком, то надо преломить хлеб, — подмигнул он, закидывая себе в рот кусочек шоколадки. — И тогда тебя не обидят, потому что сотрапезников не едят. Старые правила, всё такое.

— Ага, и по тем же старым правилам не рекомендуется болтать в дороге, — серьёзно ответила Алька. — Потому что можно случайно заговорить с мертвецом.

Лицо у Айти вытянулось, а потом он засмеялся.

Через час разговор как-то заглох. Алька — чисто от неловкости, работа-то не шла — опять достала ноутбук и, выглянув из купе, попросила у проводницы принести кофе, но не сейчас, а через полчаса. Когда вернулась, то Айти сидел с книжкой; судя по потрёпанной обложке, это был какой-то старый детектив из тех, где герой хо-

дит в длинном тёмном плаще, мрачный и небритый, а героини визжат и быстро умирают. А вот закладка в книге была красивая — золотистая пластинка, резная, ажурная, тонкая-тонкая..

— Нравится? — улыбнулся он, поймав Алькин взгляд. — Дарю.

И, положив закладку на стол, кончиками пальцев подтолкнул её к Альке.

Ногти у него оказались чёрные, покрашенные.

Отказываться было как-то неловко, и Алька не стала. Айти повеселел. Когда снаружи потянуло кофе, он поднялся и сказал, что тоже ходит и возьмёт себе что-нибудь в вагоне-ресторане, — и, подхватив рюкзак, выскочил, разминувшись с проводницей на пару минут. Та вошла, шумно гремя чашками, сгрузила на столик Алькин кофе и бесплатное железнодорожное печенье — сахарное, с уймой калорий — и подмигнула голубым глазом:

— Хорошо одной ехать, да?

Она собрала с верхних полок постельное бельё и ушла. Айти где-то задерживался. Алька успела допить кофе, написать три абзаца и убрать ноутбук; потом приятный голос объявил, что поезд подъезжает к станции Краснолесье, и время стоянки целых пятнадцать минут, хоть обгуляйся... Она приготовила чемодан и рюкзак, написала бабушке, что скоро будет, и получила ответ, что её уже ждут.

Поезд начал тормозить, а Айти так и не появился.

Выходя из купе, Алька, поколебавшись, всё-таки сунула золотистую закладку-пластинку в нагрудный карман.

«Надо было, наверное, обменяться контактами, — с сожалением подумала она. Некстати вспомнилась ссора с мамой, одна из последних; мама тогда сказала, что Алька так себе никого никогда не найдёт, если продолжит шарахаться от каждого и держаться настороже. — Хотя Краснолесье — почти деревня, если он и правда тут живёт, то встретимся ещё».

Сложно было признаться себе, но Айти ей, кажется, всё-таки понравился, причём не столько белокурыми локонами и тонкими запястьями, сколько тем, что заце-нил дурацкую шутку про мертвецов.

За минувшие два года бабушка нисколько не изменилась. Высокая — выше Альки на голову — и с прямой спиной. Волосы у неё были гладкие, седые, короткие, зачёсанные вверх; на ветру они трепетали, как пламя газовой горелки. Сплошь в чёрном — свитер, юбка ниже колен, ботинки; с крупными серьгами-кольцами в ушах... Её в шутку звали ведьмой, но ведьмой она, конечно, не была: родовые способности плавно сошли на нет ещё два поколения назад, и даже план немного освежить кровь, женив сына на талантливой сиротке, не особо-то и удался.

Тем не менее в знаках и прочем она разбиралась хорошо и полжизни — с тех пор как уволилась из пекарни — консультировала по ведьмовской тематике всех желающих. В последние лет десять — удалённо, по сети; у неё даже имелся сайт, теперь уже катастрофически устаревший.

Сейчас на плечи у неё был накинут пёстрый платок, а на носу были очки, и всё равно она подслеповато шурилась, вглядываясь в толпу.

«Не узнаёт, — подумала Алька немного грустно. — Точно, я же подстриглась... когда, год назад?»

— Баб Ясь? — неуверенно позвала она, подволакивая за собой чемодан. — Я приехала.

Бабушка охнула — а потом кинулась навстречу и стиснула в объятиях.

— Алечка, Алоцветик, приехала, умница, родимая, — запричитала она. Голос, дребезжащий, старческий, не вязался ни с крепким сложением, ни со свежим, минеральным запахом модного парфюма. — Как добралась?

Всё в порядке? Я сегодня новости смотрела, ох и ужас же там у вас... Комендантский час?

«Значит, ввели всё-таки, — подумала Алька, вспомнив предостережение начальницы. — Значит, всё и правда совсем плохо».

— Не знаю, я уехала, — вслух ответила она и позволила бабушке расцеловать себя в обе щеки. — А в дороге сети не было...

— Голодная? Пойдём поужинаем, я с утра готовила, так наготовила... И Никуся с сыном придёт, помнишь Вельку? Большой стал!

Не слушая возражений, бабушка перехватила у неё чемодан и сама потащила его к внедорожнику, припаркованному прямо за оградой вокзала. Спускаясь с платформы, Алька оглянулась, невольно выискивая взглядом своего попутчика — как его звали, Айти? — и его приметную красную толстовку. Но никого похожего не было. То ли он уже ушёл, то ли соврал, когда сказал, что выходит в Краснолесье...

— Алоцветик, идёшь?

— Баб Ясь, сейчас!

Дом — родовое гнездо — стоял на отшибе от города. Когда-то, по легенде, это и вовсе была избушка в чащобе, но с тех пор Краснолесье разрослось, а чащобу в трёх местах рассекла железная дорога. Ещё южнее, у холмов, раньше была каменоломня, откуда в столицу возили белый камень с синими прожилками для отделки дворцов, но месторождение быстро истощилось. Теперь об этом напоминали только заросшие осинником карьеры, больше похожие на огромные овраги... Ехать пришлось долго. Алька подумала даже, что Краснолесье намного больше, чем ей запомнилось, и это уж точно не деревня. Когда внедорожник обогнул текстильную фабрику и съехал на едва-едва освещённую просёлочную дорогу, по обеим сторонам которой росли клёны, внутри что-то

ёкнуло. Словно Алька вернулась вдруг в раннее детство, на каникулы, и мир был огромным, и в осиннике жил леший, на болоте — кикимора, а овёс на поле по ночам приминали коньки-скакунки.

И мама с папой ещё не развелись.

Это потом выяснилось, что лешего не видели уже лет сто, кикимору — тётю Тину из кондитерской — бояться не надо, а самые страшные чудовища могут быть милыми, хорошо воспитанными, носить штаны карго и иметь диплом об окончании Инженерного университета с отличием.

...а вот дом, в отличие от баб Яси, немного изменился. Совершенно точно подрес — справа прибавилась пристройка, судя по подъездной аллее, гараж. И крыша вроде бы стала другого цвета, хотя рассмотреть её в свете фар толком не получалось.

Зато васильки — геральдические цветы, как шутила бабушка иногда — по-прежнему росли повсюду. У ограды, по бокам от тропинки, вокруг террасы... В окне кухни горел свет. И в гостиной тоже, вернее, в той комнате с книгами, где обычно накрывали стол для гостей; похоже, что тётя Ника не только пришла на ужин, но и помогла с готовкой.

Вдруг ужасно захотелось есть; вспомнилось, что с утра не удалось перехватить ничего, кроме одного бутерброда и половинки шоколадки.

— Баб Ясь, — неожиданно для самой себя позвала вдруг Алька. — Со мной парень ехал, сказал, что тоже до Краснолесья. Высокий, светлые волосы, глаза светло-карие... Ты не знаешь, чей это?

Бабушка, к её чести, не завопила радостно: «Ты наконец парнями интересуешься?!»

Нет, просто глянула на Альку в упор, едва не въехав в гараж, и только чудом нажала на тормоз вовремя.

— Тасин внук, может, — с деланным равнодушием ответила она, заглушая мотор. — Не знаю, светленьких у нас мало, а чтоб высоких... Или к Чибисам кто-то засе-

лился, они поддома сдают по комнатам. Город маленький, если и впрямь парень сюда ехал, то встретитесь ещё.

На звук двигателя из дома выскочил косматый бугай с замашками медведя, в котором Алька с трудом опознала собственного кузена. Велемир за два года вытянулся, раздался в плечах, отрастил гриву волос и даже некое подобие бороды, вернее, бородёнки. Даже не верилось, что ему всего восемнадцать. Называть его Велькой, как раньше, было неловко... да он и сам смущался ужасно, хотя очень старался быть полезным, вежливым и без проблем закинул Алькин чемодан на второй этаж. Вернее, втащил по лестнице.

А мог бы, судя по комплекции, закинуть буквально, через окно.

Тётя Вереника, наоборот, выглядела похудевшей, измученной; бабушка ещё в машине предупредила, что она распереживалась из-за того, что сын не поступил в медицинский, как хотел, и расстроилась больше его самого.

— А что ему сделается, здоровому лбу? Ну, посидит дома, поучится, на следующий год поступит, — пожалала она плечами. — С мужа бы брала пример и не беспокоилась ни о чём.

Вереникин муж — дядя Чернек — настолько ни о чём не беспокоился, что даже не вышел встречать Альку, только махнул рукой с дивана, где он до этого дремал. Впрочем, ему было простительно: он работал на фабрике посменно, дежурил там где-то в ремонтном отделе, и иногда смены выдавались такими, что подремать за сутки удавалось не больше пары часов.

Да Алька и сама устала с дороги.

Бабушка действительно её ждала. Испекла пирог с черникой, закоптила утку с можжевельником, сделала целый горшок каши, томлённой с грибами. Даже достала домашнее рябиновое вино по секретному рецепту, которое берегла обычно как зеницу ока. Алька из любопытства попробовала, хотя алкоголь ей не нравился;